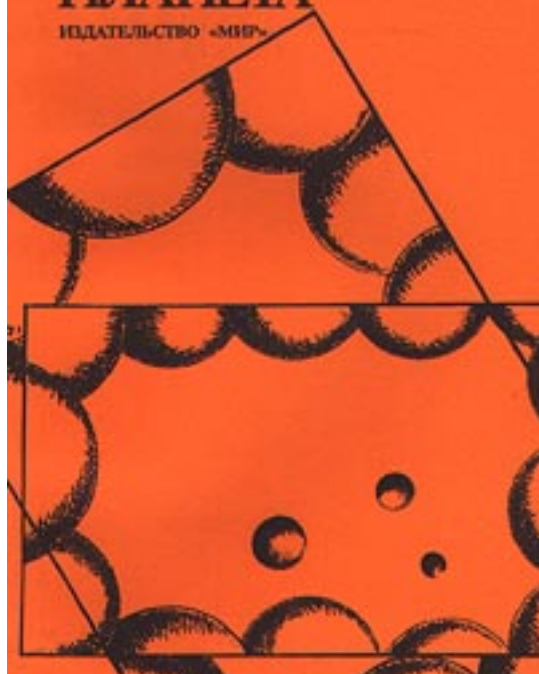

Ант Скарливиц

ФАНТАСТИКА

НЕНОРМАЛЬНАЯ ПЛАНЕТА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР»

Ант Скаландис

Ненормальная планета (сборник)

OCR spellcheck by HarryFan, 1 September 2000

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158724

Ант Скаландис Неукротимая планета. Сборник фантастических рассказов.: Мир; Москва; 1989

Аннотация

Книга советского фантаста, в которую вошли несколько циклов фантастических рассказов, посвященных теневым сторонам большого спорта, психологии современного человека и некоторым социальным проблемам настоящего и будущего.

В сборник включены следующие рассказы:

Наемные самоубийцы. Техника бега на кривые дистанции

Супердопинг

Новичкам везет

Смертельный случай

Секреты мастерства

Только для женщин

Катализатор прогресса

Нет правды на Земле

Пятое и двадцатое

Капуста без кочерыжки

Наладчик

Операция на разуме

Джинсомания

Москва в третьем тысячелетии

Непорочное зачатие Касьяна Пролеткина

История о том, как боролся с алкоголем знаменитый межзвездный путешественник

Касьян Пролеткин, рассказанная им самим

Ненормальная планета № 386

Содержание

Наемные самоубийцы. Техника бега на кривые дистанции.	4
Супердопинг	11
Новичкам везет	16
Смертельный случай	22
Секреты мастерства	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Ант Скаландис

Ненормальная планета

Наемные самоубийцы. Техника бега на кривые дистанции.

В парилке ароматно пахло сухим деревом. Регулятор был повернут на максимум, и термометр показывал больше ста двадцати. Горячий воздух обжигал ноздри при неосторожном вдохе. И стояла тишина. Густая, глубокая, абсолютная, как будто весь мир исчез, осталась только эта маленькая раскаленная комната с запахом высушенной древесины в неподвижном воздухе.

Клюквин млел, забравшись на верхнюю полку и развалившись там с запрокинутой головой и согнутыми в коленях ногами. Панкратыч чинно сидел внизу. Выражение лица было у него сосредоточенное, а пот стекал ленивыми струйками по груди и плечам и влажно блестел в складках живота. И Панкратыч, блаженно жмурясь, стирал его специальной плоской дощечкой, похожей на палочку от гигантского эскимо. Панкратычу едва исполнилось сорок, но по отчеству его звали уже давно, с тех самых пор, как имя Сева стало казаться несолидным, а величать полностью – Всеволодом Панкратовичем – представлялось крайне неудобным.

Я больше всего любил вот этот первый заход в парилку, когда сидишь еще совсем сухой и чувствуешь, как освобождаются, расслабляясь одна за другой, все мышцы измученного тренировкой тела; и Клюквин тихо дышит на верхней полке; и Панкратыч водит по телу своей эскимошной дощечкой и говорит мне: «А ты совсем сухой, Толик. Это потому, что ты тренированный». Он всегда говорит одно и то же и всегда говорит не «тренированный», а «тренированный». И мне всегда льстит, что я тренированный, потому что Клюквин на верхней полке тоже начинает поблескивать раньше меня.

Скрипнула наружная дверь тамбура, с шумом грохнулись на пол фанерные листы для подстилки, и я уже понял, кто это, раньше, чем дверь распахнулась и вслед за волной холодного воздуха в парилку вошла Машка. Машка уже третий раз парилась вместе с нами, но ее появление все-таки производило на меня какое-то ошеломляющее действие. В первый раз я даже испытал большую неловкость, но это чувство быстро притупилось, затем было просто удивление, а теперь я ощущал нечто вроде восторга, непонятного и тем более сильного. Но возбуждения я не испытал ни разу. Панкратыч мне потом объяснял, что только маньяк может возбуждаться после тренировки по полной программе, да еще при температуре сто двадцать градусов. К тому же у Машки была маленькая грудь, упругие, почти мужские бицепсы и широченные плечи. Она выполняла норму мастера по толканию ядра. А еще у нее была очень симпатичная мордаха, на которой взгляд невольно останавливался и уже не блуждал воровато по всему телу.

– Температурка как, мужики? – спросила Машка, усаживаясь рядом с Панкратычем.

– Температурка славная! – откликнулся Клюквин, не поворачивая головы и даже не открывая глаз.

Машка потела быстро, и Панкратыч на этот счет всегда отмалчивался, потому что никак нельзя было сказать, что Машка менее тренированная, чем я.

Клюквин перевернулся на живот, зашипел, обжегшись обо что-то и произнес:

– Что-то тихо у нас сегодня. Рассказал бы чего, а, Панкратыч?

– Верно, – оживилась лоснящаяся Машка, – Расскажи при пятую медаль Эрики Вольф. Говорят, с ней что-то нечисто было.

– Эрика Вольф, – проворчал Панкратыч. – Что Эрика Вольф! Много было таких случаев. Да только после доктора Вайнека, по-моему, все можно считать чистым. Я так...

– Панкратыч, – перебила Машка, – правильно! Расскажи про Овчарникова. Я от тебя про Овчарникова не слыхала.

– Темные вы люди, – обиделся Панкратыч. – Скажешь вам «доктор Вайнек» – у вас одно на уме: Овчарников. Игорь Овчарников – *supergun Russian sprinter*. Панкратыч сказал это с отличным выговором. Он всегда бравировал знанием английского. – Можно подумать, ребятки, будто доктор Вайнек ничем больше и не занимался, кроме супербега, или анизобега, как он его называл.

– А я и про Овчарникова ничего не слышал, – сказал я.

– Иди ты! – не поверил Панкратыч:

– Да чтоб я сдох!

– Придется рассказать, – вздохнул он.

Клюквин в продолжение всего разговора молчал. Можно было подумать, что Овчарникова он знает с детства и готовится теперь слушать, позевывая и небрежно исправляя неточности в рассказе Панкратыча. На самом деле Клюквин знал об Овчарникове не больше меня.

– Это было в тот год, – начал Панкратыч, наклоняясь вперед и внимательно разглядывая капельки пота у себя на руках, – когда Вайнек работал в Союзе.

Машка сделала круглые глаза.

– Да ты что, не знала, что Вайнек работал у нас? – удивился Панкратыч.

– Ах, ты думала, он американец? Он такой же американец, как я эфиоп. Это был человек без родины. По-моему, никто не знал наверняка не только его национальности, но даже его подданства, если оно у него вообще было. Впрочем, известно: родился Вайнек в Братиславе. Закончил школу в Париже. Учился в Оксфорде. Стажировался в Австралии. Подолгу жил в Финляндии, Швеции, ГДР, Польше. Много работал в ФРГ, в Бразилии, в Штатах, а перед смертью – во Франции. Вот такая примерно география. Но это в основном, а города и страны, где он бывал по краткосрочным контрактам или просто как консультант, я мог бы перечислять до завтрашнего утра.

– Стоп, – прервал себя Панкратыч: – О чем я говорил-то?

– Ты говорил об Овчарникове, – напомнил Клюква.

– Верно. Об Овчарникове. Так вот, ребятки, здесь в Москве Вайнек встретился случайно с одним физиком, и тот рассказал ему прелюбопытнейшие вещи. Оказывается, движение по прямой не является самым рациональным; прямая в энергетическом смысле не кратчайшая траектория. И это известно из опыта, а теоретически пока не обосновано. Гипотезы есть, конечно, но все из разряда сумасшедших. Эксперимент же сомнения не вызывает. Физик показывал, например, такую штуку: два совсем одинаковых шарика скатывал по двум почти одинаковым желобкам. Разница была лишь в том, что один желобок абсолютно ровный, а второй – слегка волнистый: вверх-вниз, вверх-вниз. И, представьте себе, по волнистому желобку шарик скатывался быстрее. Пуск шариков был синхронизирован, а для вящей убедительности физик менял их местами. Вот этот-то волнистый желобок и поразил воображение доктора Вайнека. В теоретической механике он был не силен и потому из всех предложенных объяснений запомнил лишь одно, самое безумное, связанное с анизотропией пространства. Вообще теоретическая база волновала Вайнека не слишком – его захватила идея практическая.

Поначалу, как рассказывал Вайнек, ему представилась волнистая беговая дорожка. Но он понял, что это чепуха, потому что человек не шарик. Значит, волнистым должен стать сам бег. «Волнистый бег» – так он его назвал. Потом Вайнек узнал, что дельфины, когда торо-

пятся, плывут на глубине не по прямой. Как именно – никто не видел, но скорость засекали, и для прямолинейного движения она физиологически невозможна. Услышал Вайнек где-то и про майского жука. Этот взлетает совершенно диким образом, на обычный взлет ему бы энергии не хватило.

Вот тут Вайнек и вспомнил гипотезу об анизотропии пространства: одни направления энергетически более выгодны, другие – менее, а тонкая структура пространства такова, что при движении по прямой, да и по другим обычным траекториям, энергетические затраты по всем направлениям усредняются, и анизотропия пространства становится незаметна. Между тем дельфин и майский жук умеют находить энергетически выгодные направления. Ну, и с шариком получается нечто подобное. Вайнеку стало обидно чувствовать себя глупее дельфина, тем более – майского жука, а в каком-то смысле даже глупее шарика, и он решил научиться использовать анизотропию пространства.

– Панкратыч, – сказала Машка, – хоть бы я что-нибудь поняла!

– Ладно, Машк, это не суть, – успокоил Панкратыч, – слушай дальше. Вайнек отказался от нелепого сочетания «волнистый бег» (да он и не был волнистым) и сочинил название покрасивее: анизотропный бег, или анизобег.

Анизобег рождался в муках. Вайнеку не доставало теоретических знаний, действовал он в основном методом проб и ошибок. И вот через месяц первый заметный успех: научился судорожно выбрасывать вперед руку быстрее всякого каратиста. Но с ногами и особенно с туловищем было хуже. Промучившись еще неделю, Вайнек понял, что ему просто не хватает общей физической подготовки. Он еще не знал тогда, что не хватает гораздо большего.

В нашу сборную Вайнек пришел полный надежд. Объяснил ребятам, что к чему и провел серию тестов, в основном на гибкость, растяжку, резкость. Среди спринтеров выделялся Игорь Овчарников, хотя по лучшему результату сезона он занимал чуть ли не пятнадцатое место в стране. Но Вайнека результат 10,50 устраивал, он-то ведь собирался сбрасывать целые секунды с этой цифры. К тому же Овчарников поразительно быстро схватывал объяснения Вайнека, и тот заявил, что возьмет пока только его, другим дескать трудно будет за ним угнаться. Товарищи Игоря по сборной только хмыкнули на это, а новоявленный анизоспринтер с головой окунулся в работу. Пришлось не только изменить объем и режим тренировок – пришлось изменить все: методику, упражнения, привычки. Пришлось накачивать мышцы, о существовании которых Игорь и не подозревал раньше, а некоторые другие, очень тренированные мускулы, наоборот, надо было стараться не напрягать вовсе.

А в довершение всего Вайнек начал колоть Овчарникову стимулятор. Вайнек без этого не мог. Биохимия была его хобби. Стимулятор не значился в официальных списках допингов и был безвредный, как глюкоза. Название он имел, как и всякая органика, длинное и нескладное, поэтому Вайнек придумал термин «анизоген», то есть вещество, порождающее, а точнее, повышающее анизотропные способности.

И вот настал день, когда Овчарников рванул со старта и, изобразив этакий странноватый, чуть дергающийся бег по слегка изломанной траектории, покрыл стометровку за 9,2 секунды.

Это была победа. Научная пока победа, победа Вайнека, но она и Овчарникову сулила громкие спортивные победы. Однако победить ему удалось только два раза. Первый – на наших внутренних соревнованиях. Он оставил позади себя метрах в девяти весь забег и финишировал с результатом 9,16. А потом была медкомиссия перед отборочными на Кубок Европы, и врач, делавший анализ крови Овчарникова, чуть не помер со страху, потому что в крови изменилось все: цвет, вязкость, РОЭ, гемоглобин, сахар... Какой-то лаборант даже сказал в сердцах: «Да это вообще не кровь – это черт знает что!» Но самым зловещим было, что Игорь чувствовал себя замечательно, организм его не отметил не то что неприятных – вообще никаких новых ощущений. Синдром Овчарникова, уверяли врачи, коварен, как

рак: на ранних стадиях незаметен, а на поздних неизлечим. Неизлечимость, понятно, была пока гипотетической, но уж больно жуткими выглядели изменения в крови. А еще врачи клялись и божились, что дело совсем не в анизогене, виновата сама система тренировок, сами движения.

И медкомиссия приняла однозначное решение: дальнейшие тренировки Овчарникова по методу анизобега прекратить и строжайшим образом контролировать состояние здоровья спортсмена.

Игорь, конечно, прибежал к Вайнеку, упрашивал его продолжать тренировки. А Вайнек был вежлив, спокоен, но, чувствовалось, тоже не на шутку разозлен. Да, он знал, что от анизобега происходит что-то такое с кровью, но не мог же он предполагать, что в нашем замечательном и немножко странном государстве так обеспокоятся этим рядовым в общем-то явлением. Однако раз уж такое дело, то его, Вайнека, долг – подчиниться. Ему очень жаль потраченного времени, но в СССР он не хозяин, он живет здесь по советским законам, а стало быть, вынужден прекратить занятия с Овчарниковым и, видимо, в скором времени совсем покинет нашу страну.

Овчарников понял, что Вайнек не будет за него заступаться и винить его за это нельзя. А еще он понял, что может теперь заниматься анизобегом самостоятельно, и изо дня в день, из тренировки в тренировку упорно продолжал бегать по кривой.

Вот тогда-то и была создана специальная комиссия по делу Овчарникова. В нее вошли представители от Минздрава, от Спорткомитета, от Академии наук (специалист по теоретической механике), секретарь парткома института, где Овчарников учился, а также несколько врачей разного профиля, два тренера сборной, комсорг сборной и неизвестно зачем приглашенный юрист.

Речь, которой разразился Овчарников на спецкомиссии, произвела на всех сильнейшее впечатление. Один из присутствовавших там врачей захлеб рассказывал мне, как молодчина Овчарников резал в глаза правду-матку и как никто ему даже ответить толком не смог. Позднее я видел даже речь Овчарникова, отпечатанную на машинке.

Началось же все с того, что Овчарникову мягко повторили: анизобег вреден для здоровья. И он взорвался. Дескать, о каком здоровье может идти речь и кто вообще сказал, что спорт полезен для здоровья. Спорт – эта работа. Спорт – это профессия, а оздоровительных профессий не бывает. Потом Овчарников долго рассказывал о здоровье и спорте с конкретными фактами и цифрами, а под конец заявил, что он, Овчарников, – спортсмен, профессиональный спортсмен, и что ему плевать на изменения в крови, а если кому-то не наплевать – пусть дают молоко за вредность, а не лишают куска хлеба.

Говорят, первым опомнился представитель Спорткомитета и вежливо напомнил Овчарникову, что запрещение анизобега – вопрос решенный и обсуждению не подлежит. А единственное, что хотелось бы знать комиссии, согласен ли Овчарников остаться в сборной просто спринтером, без всяких анизотропных штучек.

Говорят, Игорь как-то сразу сник и очень просто ответил:

– А куда я денусь? Я же спортсмен. Конечно, согласен.

Когда же Овчарников вышел, шуму было еще много, но по существу никто не возражал. Решили во всяком случае дать ему возможность выступить на отборочных перед кубком Европы. А там видно будет.

Тут я почувствовал, что воздух стал слишком тяжелым для дыхания и что в груди у меня заныло.

– Панкратыч, – сказал я, – не могу больше. Там до расскажешь.

Панкратыч был мокрый, как мышь, и не возражал.

– Клюквин, – спросил я, – тебе хорошо? Или ты уже помер?

Клюквин шевельнулся и произнес:

– Изжарен заживо. Он стал слезать со своего уютного места, и Машка тоже поднялась за компанию, хотя могла бы посидеть и еще.

Мы вышли в сверкающую белым кафелем душевую. Прохладный воздух обволакивал кожу, как шелк. И появилось ощущение удивительной легкости.

Клюквин разбежался и с торжествующим воплем бухнулся в купель. Ледяные брызги взлетели веером и полоснули по нашим телам. Машка взвизгнула. Панкратыч отряхнулся и сказал:

– Ты дурак, Клюквин.

А Клюквин балдел. Он висел в воде, растопыренный, как лягушка, и над поверхностью сияла его улыбка от уха до уха. Я тоже улыбался. Мне было смешно. Потому что Клюквин каждый раз бухался вот так в купель. А Панкратыч каждый раз называл его дураком.

Машка и Панкратыч тоже спустились в купель, а я предпочитал душ: там можно было менять температуру. И еще, душ – это массаж.

– Ну и что, Панкратыч, – спросил я из-под душа, – он выиграл отборочные?

– Да, отборочные он выиграл. Его включили в команду. И тут пришла бумага из Спорткомитета: Овчарникова советовали не брать в Милан. По существу, это был приказ. И все-таки старший тренер осмелился возразить. У него тогда были свои сложности, и на карту ставилось слишком многое. Невероятно, но факт: старший сумел сторговаться со Спорткомитетом. Овчарников поехал в Милан под его личную ответственность. Случай, вообще говоря, беспрецедентный. Никто не мог гарантировать, что Овчарников не выкинет какой-нибудь фортель, более того – все в сборной были уверены, что, если он дойдет до финала, то наверняка не сможет удержаться и покажет, на что способен.

Но вышло все совсем неинтересно. Уже в Италии кто-то накапал старшему на Овчарникова, что в отборочных он победил не без помощи анизобега. Научился делать анизотехнику незаметной со стороны, и медики ничего не засекли: кровь-то у Игоря была ненормальной еще до тех тренировок. Ну, старший сначала не поверил, а потом прокрутил запись овчарниковского победного бега, сделанную рапидом, вгляделся внимательно и понял, что накапали не зря. При первых же вопросах Игорь во всем сознался. «Я выиграю этот кубок, – сказал он старшему. – Выиграю без вариантов. В забегах буду скромненький, а в финале, откровенно говоря, мечтал показать что-нибудь порядка 9,6. Но если вам хочется в разумных пределах – ради бога – я пробегу за 9,8». От таких речей старший, конечно, встал на дыбы. Его можно было понять: как-никак за спиной маячил Спорткомитет.

И старший снял Овчарникова с выступления, подчистую снял – и с сотни, и с двухсот и даже с эстафеты, сообщив в официальном заявлении, что спортсмен внезапно заболел. Овчарников затаил обиду. Ходил все время мрачный, на стадионе появлялся не каждый день и даже в вечер перед отъездом не явился на прощальный банкет. Уехал в Венецию просто погулять. Он понимал, конечно, что за такую прогулку по головке не погладят, но ему уже было все равно. И он поехал. И вернулся к самому отлету, когда ребята решили, что он остался, а старший успел проклясть все на свете и в первую очередь себя.

В Москве с Овчарниковым разобрались быстро. Никаких споров, никаких комиссий – просто исключили из сборной и из института. Вот так все и закончилось.

– Да нет, погоди, Панкратыч, – не согласился я. – А за границей? Неужели Вайнек никого больше не пытался учить анизобегу?

– Сейчас расскажу, – пообещал Панкратыч. – Налей-ка мне чаю, Клюква. Клюквин взял громадный серебристый термос и налил в кружку душистого

чая, со свежей малиной и смородиновым листом, – нашего, фирменного. Панкратыч отхлебнул и блаженно зажмурился.

Мы сидели в предбаннике, завернувшись в большие махровые полотенца с яркими полосами. Только на Машке был купальный халат. Шикарный такой халатик фирмы «Тай-

гер». «Тигер», как говорил Клюквин, упорно, не признавая английского произношения, чем всегда крайне раздражал Панкратыча.

— Так вот, — сказал Панкратыч, когда выпил уже полкружки. — Вайнек не пытался никого больше учить. Вайнек никогда вообще не занимался дважды одной идеей. У него их было слишком много, и он жалел время. Но у Вайнека был ассистент, некто Дженкинс. Он уехал в Штаты, когда Вайнек был еще тут, но с супербегом познакомиться успел. Дженкинс решил обучить американцев технике русского спринтера. Набрал группу. Тут-то и выяснилось, что Овчарников действительно феномен. Такие встречались чуть ли не один на тысячу. Дженкинс провел широкое тестирование и выявил еще трех анизотропных гениев. Но двое из них оказались совсем не спринтерами, а третий, сумевший пробежать сотку за 8,85, попал в автокатастрофу. Словно сама судьба нагромождала преграды на пути анизобега. Зато препятствие, ставшее роковым у нас, в Штатах было устранено с восхитительной легкостью. Их наука без труда отыскала средство, нейтрализующее действие анизобега на кровь. Оно, впрочем, тоже оказалось вредным, но не вреднее обычных допингов.

А год спустя Дженкинс нашел-таки анизоспринтера — длинноногого негра Джека Фаста. Фаст быстро освоился со сверхскоростями и стал выступать в соревнованиях (однажды даже за сборную США). Выигрывал забеги с заранее заказанными результатами. Супербег так и не признали официально, и Фаст выступал под чужими фамилиями. По существу, просто зарабатывал деньги. Это не устраивало ни его, ни Дженкинса. И они решили создать школу супербега для подростков, потому что заметили: если учить анизотехнике с детства, число способных резко возрастает. Однако детская школа супербега не просуществовала и полугода, более того, Дженкинс и Фаст чуть не попали под суд за антигуманные эксперименты над детьми. Вкалывание детишкам анизогена пополам с нейтрализатором действительно казалось довольно странным. И после нашумевшего закрытия школы сам супербег стал чем-то настолько одиозным, что Дженкинс окончательно махнул на него рукой, а Фаст потерял все заказы на анизоспринтерские выступления и ушел работать в цирк. Надо же было где-то использовать свои уникальные способности.

Ну ладно, ребятки, пошли погреемся.

Мы поднялись, скинули полотенца и снова вошли в парилку. В парилке было хорошо. Уютно, по-домашнему, Клюквин снова разлегся наверху, а мы сидели рядом, только теперь я был около Машки, а Панкратыч с краю.

— Ну, а что с Овчарниковым? — спросил я, когда выбрал, наконец, удобную позу и расслабился. — Где он теперь?

— А, Овчарников-то? — словно проснулся Панкратыч. — Он в зоопарке работает.

— Где? — переспросил Клюква.

— В зоопарке. Клетки чистит. Сначала он на стройке работал, но что-то там у него не заладилось. Потом устроился в депо разнорабочим, потом в морг, потом дворником, потом на завод, опять разнорабочим, и, наконец, в зоопарк — вспомнил, что в детстве очень зверей любил.

Я его видел этак с год назад. Сначала даже не узнал. Через все лицо шрам, на левой руке трех пальцев нету, и весь он какой-то скособоченный. Как это было, он рассказывать не любит, просто, говорит, вошел как-то пьяным в клетку к тигру, ну и они с тигром чуть-чуть друг друга не поняли. Да я его ни о чем и не спрашивал. Так, посидели немного, поворостили прошлое, спецкомиссию вспомнили. Игорь цитировал на память свою тогдашнюю речь, улыбался загадочно, жевал «беломорину» и шурился от дыма. Я его как сейчас помню. А день был теплый такой, солнечный, и тигр, тот самый, наверно, развалился рядом в клетке и мирно смотрел на нас своим прищуренным глазом...

Панкратыч остановился, словно хотел сказать еще что-то, да забыл, и принялся водить по телу своей дощечкой от гигантского эскимо. А я смотрел на лоснящиеся Машкины бицепсы и думал о том, как странно все получается.

Мы приходим в спорт еще совсем детьми, приходим, увлеченные его внешней, парадной стороной. Он ведь красив, спорт, он ведь чертовски привлекателен. А потом медленно и постепенно, очень медленно и очень постепенно, мы узнаем его обратную сторону, и, когда нам становится ясно до конца, что спорт совсем не так красив и чист, каким он казался поначалу, нам уже поздно менять профессию, мы уже его пожизненные пленники, добровольные пленники.

Начиная заниматься, мы становимся день ото дня здоровее и сильнее, мы гордимся собой и не успеваем заметить, как пересекаем тот рубеж, за которым «сильнее» уже не означает «здоровее», и когда вдруг мы понимаем, что спорт существует вовсе не для здоровья, это уже не имеет для нас никакого значения. Тем более, что никто сегодня не знает точно, для чего именно существует спорт. И потому его используют для денег и для политики, для науки и для искусства, для отдыха и для развлечения. Для чего только не используют спорт! И все это мы знаем. И иногда нам бывает тошно. А иногда просто трудно. Или просто больно. Но мы терпим. Мы умеем терпеть годами во имя нескольких минут радости. Потому что мы не просто безропотные кролики под ножом полуслепой, идущей ощупью спортивной науки, мы еще и мастера, профессионалы, как любил говорить этот Овчарников, и, выступая на дорожках, на рингах и в бассейнах, мы защищаем не только честь страны, но и честь самого спорта. Как профессии. А это ни с чем не сравнимая радость – чувствовать себя настоящим профессионалом, мастером, победителем, героем. Вот ради чего мы гробим свое здоровье и свой интеллект, а вовсе не ради денег и тряпок, как думают некоторые. Конечно, есть и такие, для которых деньги – это все, профессионалы самого низкого пошиба; для них полтора «куска» за крупную победу важнее, чем гимн и флаг, и миллионы лиц перед телеэкранами. Но таких все-таки мало, и о них не хотелось думать. Я думал об Овчарникове, и мне казалось, что он не такой.

Мы все молчали. Потом Ключвин мрачно произнес:

– Бреешь ты все, Панкратыч.

Панкратыч не ответил, и Ключвин тихо засопел наверху, уткнув лицо в скрещенные руки.

Я посмотрел на Машку и обалдел. Машка плакала. Я еще никогда не видел плачущую Машку. Но уже в следующую секунду я понял, что это просто капли пота стекают у нее по щекам.

Супердопинг

Фехтовальный зал, где я протираю подметки о медную проволоку дорожек и с кроважным упорством пытаюсь ткнуть кончиком шпаги в тела моих друзей, находится на первом этаже. Здесь же, в соседних залах тренируются боксеры, вольники и каратисты. Каратисты похожи на ораву психов, забывших человеческую речь и изъясняющихся гортанными криками, а кимоно на них – как смиренные рубашки. Боксеры, даже с переломанными носами, выглядят гораздо нормальнее. А наверху, надо всем этим простирается красавец-манеж, обитель королевы спорта». Там наша Машка поплевывает на ладони и перебрасывает из руки в руку свой чугунный шарик, выкрашенный голубой краской, и прижимает его к подбородку. Там длинноногий Клюквин со зверской рожей рвет шипами тартан и, в тысячный раз повторив заветную комбинацию «скачок – шаг – прыжок», зависает над ямой с разноцветными обрезками пористой резины. Иногда я прихожу посмотреть на них, иногда они на меня, но обычно мы заканчиваем тренировки одновременно и встречаемся уже в подвальном этаже, в финской бане, всегда в одном и том же номере, закрепленном за нами в эти часы. Туда же подходит и Панкратыч. Попарившись строго по науке (Панкратыч обучил нас хитрой системе со сдвоенными заходами, контрастным душем и отдыхом по минутам – он даже часы с собой в парилку таскает), мы поднимаемся в буфет и сидим там за нашим традиционным столиком. В обычные дни недолго, а по субботам иногда больше часа.

Сегодня суббота. Никто никуда не спешит. Машка и Клюквин пьют фанту, Панкратыч – пепси-колу, а я беру бутылку пива. Вообще я пива не пью, понимаю, что не спортивный это напиток, но по субботам иногда позволяю себе бутылочку или две.

Панкратыч смотрит на мою бутылку и с важностью в голосе изрекает:

– Пиво – это импотенция.

– Иди ты! – деланно удивляюсь я. – Прямо так вот, с одной бутылки? По-моему, активные занятия спортом представляют в этом плане гораздо большую опасность.

– И то верно, – соглашается Панкратыч.

– А Машка спрашивает:

– А водка? Что бывает от водки?

– Водка – это делириум тремор.

– Чего-чего? – Машка как всегда не понимает умных речей Панкратыча.

– Белая горячка, – поясняет Клюквин и тут же говорит:

– Чего-то у нас дурацкий разговор пошел, вы не находите? А я вот все сижу и думаю: в судействе по тройному прыжку есть один крупный изъян – неточность в определении третьего касания.

– Ой, тоска! – вздыхает Машка.

Клюквин не устает ее вниманием и продолжает:

– Вот, например, я. Мне в прошлом году на Союзе пришили третье касание в самой удачной попытке, а я-то чувствовал, что его не было. Но мне не верят, и это естественно. Значит нужно делать вторую пластилиновую полосу.

– Можно, – не возражает Панкратыч, – но эту полосу придется делать слишком широкой, шаг-то у всех разный, будут на твой пластилин попадать и во время толчка, истыкают весь... Нет, здесь нужно совсем другое решение. Например, сделать дорожку из материала, на котором видны следы, но недолго, а только до замера результата. Пока такого нет, а если придумают, может, перестанут в прыжках фиксировать заступы и будут вообще замерять чистое расстояние.

– А ведь это и сейчас можно, – замечает Клюквин.

– Можно, – соглашается Панкратыч, – да только волынки много и традиции менять не хочется.

– Вот именно! – подхватываю я. – Традиции, из-за этих традиций в спорте не достаточно используют технику и прочие новшества. Да если б внедрить все, что есть на сегодняшний день, половину рекордов можно бы вдвое улучшить!

– Ты ошибаешься, Толик, – веско говорит Панкратыч. – Знаешь насколько увеличился мировой рекорд в «шесте», когда в 62-м году в ИААФ узаконили фибергласс?

– Сантиметров на тридцать, кажется, – неуверенно предполагаю я.

– Всего на шесть. И притом учти: в «бамбуковую» эпоху рекорд изменялся даже резче, однажды – сразу на двенадцать сантиметров. Я, конечно, не утверждаю, что фибергласс несколько не лучше бамбука и алюминия – то, что делает сегодня Бубка, можно делать только с фиберглассом – просто я хочу сказать, что техника – это еще далеко не все.

– Ну, а всякая фармацевтика? – спрашиваю я.

– Фармацевтика – другое дело. Но фармацевтика – это прежде всего допинги, а допинги запрещены. Так что здесь особый случай.

– Кстати, о фармацевтике, – говорит Панкратыч, – я вам не рассказывал про дислимитер Вайнека?

– Насколько я помню, – заявляет Клюквин, решивший блеснуть эрудицией, – дислимитер – это такой допинг.

– Да, – подтверждает Панкратыч, – но это не просто допинг, а супердопинг. И применяли его не часто. Я знаю только один (Мучай.

– Со Страйтоном? – спрашивает Машка.

– Э, ребятки, – обижается Панкратыч, – да вы все знаете.

– Я – ничего не знаю, – честно признаюсь я.

– Ну, расскажи, – плаксиво тянет Машка. – Я кроме имени тоже ничего не знаю.

– Ладно, говорит Панкратыч, – слушайте.

– Лет десять назад я проходил стажировку в группе доктора Вайнека, а параллельно знакомил их спортивную науку с нашим ЛОД-эффектом¹, с этими фиговинами, которые мы надевали ребятам на ноги и откачивали насосом. Его и у нас тогда только-только начали применять, а там наши барокамеры вообще были экзотикой. И что характерно, ник то не знал, чем это может закончиться: мировыми рекордами или массовой инвалидностью. Впрочем Вайнека, как мне казалось, это меньше всего заботило. А к ЛОД-эффекту он относился вообще без энтузиазма. Наверное, потому, что не сам его изобрел. Чем занимался сам Вайнек, мы не знали. Знали, что он ребятам колет что-то, а что – допинги или нет – по-моему, они и сами не понимали. У Вайнека это называлось совмещать научную работу с подготовкой ребят к студенческому чемпионату. Правду сказать, Вайнеку доверяли. И спортсмены, и тренеры. Пик формы он рассчитывал безошибочно.

И вот уже перед самым чемпионатом мы вдруг узнаем, что Страйтон, один из лучших на сотке, будет бежать не сто и даже не двести, а четыреста. Чемпионат был в общем не очень важный, но все-таки он считался этапом отборочных перед Кубком мира, и такой эксперимент показался нам странным. Мы, конечно, понимали, что это все вайнековские штучки, но вот как тренер Страйтона согласился, это было непонятно.

Ну, настает день старта. Стадион полный. У Страйтона целая орава болельщиков, конечно. Транспаранты вывесили. В основном традиционные, мол, верим в тебя, мол, Страйтон – лучший в мире. А какие-то шутники написали: «Так держать, Страйтон! Сегодня – 400, завтра – 800!» Страйтон вышел спокойный, вроде как и не видит ничего вокруг себя, ну

¹ ЛОД-эффект – повышение работоспособности мышц после воздействия на них локального отрицательного давления (ЛОД) в специальных барокамерах; разработан в СССР; применяется в медицине и в спорте

а когда он рванул со старта, то поначалу все даже замерли, а потом такое началось: крики, свист, смех. Дело в том, что Страйтон рванул, как обычно рвал, то есть во всю силу, ну и, конечно, «накормил» всех на первом же вираже. И вот мы сидим и ждем, на каком же метре он «сдохнет» или просто упадет. А он молотит себе ногами, да и только. Так и пробежал весь круг.

– Слушай, ты, алкоголик, – вдруг обращается ко мне Панкратыч, – взял бы чего-нибудь поесть.

– Там были бутерброды с ветчиной. Годится?

– Вполне.

– Ребята, давайте возьмем кофе, – предлагает Машка.

– Я – за, – говорит Клюква.

Мы с Машкой поднимаемся и идем к стойке. Ветчина на бутербродах нежная, ярко-розовая и очень аппетитная.

– Ну и что, Панкратыч? – спрашиваю я, расставляя на столе блюда с чашками. – Этот Страйтон установил рекорд на четырехсотметровке?

– Да, если считать рекордом результат 37,01. Это не рекорд – это бред собачий. Да и не в рекорде дело. А дело в том, что после финиша Страйтон не остановился. Он побежал дальше. На той же скорости.

– То есть как?! – Клюквин расплескивает кофе, едва не уронив чашку.

– А вот так, – говорит Панкратыч, – он продолжал бежать, накручивал круг за кругом. Уже потом я узнал, что секундомер не выключали и засекли время Страйтона на всех олимпийских дистанциях. Уже на двухсотке получился мировой рекорд, а дальше пошла просто чертовщина. И круге на десятом все уже, по-моему, поняли, что Страйтон бежит с постоянной скоростью. Идиотские цифры все еще горели на табло, и скорость легко было посчитать. Выходило, что первую сотку он прошел за десять секунд, а потом каждую за девять и терял за круг по одной сотой. Прикинув все это в своем блокнотике, я предсказал Страйтону результат на десяти тысячах и не ошибся.

Ну а реакцию стадиона я вам, ребятки, описать не берусь. Помню, все вокруг заключали пари, сколько он будет бегать. Одни говорили, кружочка два еще – и хана; другие говорили, сутки, не меньше. Парень рядом со мной рассчитал время Страйтона в марафоне и уверял всех, что ошибки быть не может. А я искал глазами Вайнека. И я нашел его. Он стоял у входа под трибуны с двумя секундомерами в руках и следил за Страйтоном совершенно безумным взглядом. И что-то кричал. На дорожку его не пускала полиция – два здоровенных парня.

И вдруг – это было как гром среди ясного неба – закончив ровно двадцать пять кругов, Страйтон остановился и грохнулся на тартан. Господи, что там началось! Поднялся такой рев, что я не слышал собственного голоса. Полицейские вышли из себя. Один стрелял в воздух, но даже выстрелов почти не было слышно. Другие били по головам всех без разбору: спортсменов, журналистов, киношников, техперсонал, просто любопытное дурачье – а они все равно перли. Я каким-то чудом проскочил эту кашу и увидел, как двое в белом положили на носилки безжизненное тело и потащили его со стадиона. Естественно, я кинулся за ними, протолкался к самым носилкам. Тут-то и появился доктор Вайнек. Он что-то сказал совсем негромко, будто знал магическое слово, и случилось невероятное: Страйтон, который лежал, как тюфяк, мгновенно соскочил с носилок, санитары даже не успели их уронить, и коротким таким сильным ударом промеж глаз повалил Вайнека. Публика была в восторге, а журналист, стоявший ближе всех, заорал, перекрикивая шум: «Страйтон! Круг почета! Просим!» Страйтон повернулся в его сторону, и журналист едва-едва успел пригнуться. Ну, а потом налетела полиция, Страйтона скрутили и увели. Вот так, вот. Больше я в этот день ничего не увидел, потому что меня никуда не пустили, а от пресс-конференции и Вайнек, и Страйтон

с тренером отказались. Как все это случилось я услышал уже от самого Страйтона. Перед турниром он приходил ко мне на ЛОД-эффект, а после турнира – на массаж. Вот тогда он и рассказал мне всю эту историю.

Оказывается, Вайнек изобрел супердопинг. Так они его называли между собой. Но если строго, это был уже не просто стимулятор. У него был какой-то другой механизм действия. Поэтому Вайнек придумал ему название... как бы это по-русски... разограничитель что ли... в общем он назвал его «дислимитер». Этот супердопинг позволял вопреки инстинкту самосохранения использовать латентную энергию организма. Я понятно объясняю?

– Не очень, – признается Матка.

– Ты не выпендривайся, Панкратыч, – замечает ему Клюквин, – ты говори по-русски. «Латентный» – это по-русски будет «скрытый».

– Мне переводчики не нужны, – огрызается Панкратыч. – И вообще, Клюква, «латентный» – это термин.

– Да ты не горячись, – встречаю я, – ты рассказывай, а мы уже как-нибудь, да поймем.

– Ну в общем так, – продолжает Панкратыч, – с этим своим дислимитером Вайнек научился использовать не тридцать-тридцать пять процентов человеческих возможностей, как обычно, а практически все сто. Вот в чем была штука. И на Страйтоне решили попробовать. Зарядили парня с расчетом на четыреста метров, потому что на сто и двести было неинтересно, а на большие дистанции – рискованно. Да, я не сказал: время действия супердопинга строго зависело от введенной дозы и легко рассчитывалось с большой точностью. И вышло так, что лаборант Вайнека по дурацкой оплошности ввел Страйтону не препарат как таковой, а концентрат, который был ровно в двадцать пять раз крепче. Вот Страйтон, бедняга, и накручивал свои километры. Помню, он говорил мне: «Знаешь, старик, это было страшно. Будто не я бежал, а меня бежали, точнее, не так – как будто мной бежали. Как не крути, все неграмотно получается, но лучше не скажешь».

Рассказывая за Страйтона, Панкратыч меняет голос и даже говорит сначала по-английски для полного эффекта.

– Первые метров двести он бежал, как договорились, изо всех сил, а потом понял, что больше не может, и сбавил темп. Но темп не сбавлялся. «Понимаешь, старик, я расслабляюсь, а ноги не слушаются. Они бегут, как не мои. Страшно так бегут, жутко». Вайнек его предупреждал, что будут странные ощущения, и просил только ни в коем случае не сворачивать и не падать. И зная, что все это скоро кончится, Страйтон напрягся, стараясь свести к минимуму разницу между собой настоящим и собой бегущим. А закончив круг, он финишировал. Но не тут-то было: ноги побежали дальше. И вот тогда он испугался уже по-настоящему. Напрягаться не было сил, мышцы все болели, и он полностью расслабился. А ноги продолжали бежать с той же скоростью, и руки работали в том же ритме. «Это был кошмар, старик. Меня стало два: один бежал, а другой не бежал. Я не боялся, что сойду с ума – я был уверен, что уже сошел. Круги я не считал, времени не чувствовал. Может быть, прошла минута, а может быть, час». А когда супердопинг иссяк, он упал: ведь он же был полностью расслаблен. Конечно, он мог подняться тут же, но ему не хотелось. «Это надо пережить, старик, это такое счастье – лежать и совсем не двигаться». И только когда он услышал голос Вайнека, с него как ветром сдуло всякую лень.

Потом, когда все успокоились, Вайнек принес ему свои извинения, дотошно расспросил обо всех нюансах и даже уговаривал Страйтона продолжать эксперименты. Однако Страйтон не только ушел от Вайнека, но и вообще бросил спорт. Он не мог больше бегать. Стоило ему только напрячься в беге, и кошмар возвращался – начиналось раздвоение личности. Этот особый вид шизофрении так и называют в медицине случаем Страйтона. Ну что, ребятки, еще по кофию?

– Можно, – лениво отзывается Клюквин.

На моей тарелке сиротливо лежит половинка бутерброда. В забытой чашке стынет недопитый кофе.

– Погоди, Панкратыч, – говорю я. – А Вайнек-то что? Продолжает людей калечить?

– Да нет. Он умер. А тогда исчез куда-то, и ни слуху, ни духу о нем не было. Потом, уже почти через год после этой истории я случайно встретил его в Париже. Посидели вместе в кафе. Вайнек выглядел каким-то замученным, много пил, совсем ничего не ел и жаловался мне на жизнь. «Не могу не работать, – говорил он, – подыхаю без работы, а работать тошно, потому что все время получается, что работаешь на какую-нибудь сволочь». Он ведь для чего супердопинг сделал – он хотел довести до абсурда идею допинга, хотел, как он говорил, устроить торжественные похороны профессионального сорта, который без допингов ни шагу. А что вышло? По нелепой случайности он загубил Страйтона. И устроил великолепную рекламу супердопингу. И никто ни черта не понял. К нему пришли за рецептом. И предлагали миллионы. Они только просили сделать препарат чуточку слабее, чтобы рекорды не сразу получались такими сумасшедшими. Они ему говорили, что он – национальный герой, что страна его не забудет. А он плевать хотел на их страну и на все страны вместе взятые. Конечно, он уничтожил препарат и технологию синтеза и уехал в Париж. Но куда ему было деться от самого себя? Помню, как он сказал мне: «Я вот хожу и все думаю, думаю. Неужели нельзя изобрести что-нибудь такое, чтобы разом покончить со всей этой мерзостью? Неужели я не смогу?»

А жить без работы Вайнек действительно не умел, и в Париже устроился в спортивный центр, занимался допинг-контролем. На стадионе этого центра его и нашли пару дней спустя после нашего разговора мертвым в кресле тренажера. Я еще был во Франции и видел газеты. В них сообщалось, что смерть наступила от большой дозы некоего нового, неизвестного науке биостимулятора. Газеты пели ему дифирамбы, называли героем, отдавшим жизнь за науку, на боевом посту при испытании нового препарата. А неделей позже – это мне рассказывали уже в Москве – в нескольких газетках появился сенсационный материал: «Кто убил доктора Вайнека?» По этой версии все выходило тоже очень складно, но кого только не обвиняли! Послушать их, так чуть ли не сам президент собственноручно Вайнека и угробил. Смехота.

– Ну а сам-то ты как думаешь, Панкратыч? – спрашивает Клюквин.

– А чего тут думать? – Панкратыч смотрит на нас удивленно. – Да вы чего, ребятки, так ни черта и не поняли, что ли? Он же покончил с собой.

Мы сидим за столиком в буфете и молчим. Клюквин, запрокинув бутылку, роняет на язык последние капли фанты. Машка взбалтывает на дне чашки кофейную гущу. Все как обычно. Но у меня такое впечатление, будто Вайнек умер только что. Здесь, в манеже, на нашем стареньком тренажере.

– Так-то вот. Клюква, – заключает вдруг Панкратыч, – а ты говоришь, судейство в тройном прыжке...

Новичкам везет

– Слушай, Клюква, – спросил Панкратыч, – ты немецкий знаешь?
– Нет. А что?
– Так ты ж не знаешь.
– А мне все равно интересно.
– Славик немецкий знает, – сказала Машка.
– Какой Славик?
– Ну, тот, помнишь, который ко мне в Ленинграде в прошлом году клеился.
– А! – вспомнил я. – Лысый!
– Не лысый, а бритый, – поправила Машка.
– Ну да, бритый. Он еще ноги и грудь перед стартом брил для улучшения гидродинамических свойств.

– Ноги и грудь – это что! – заметил Панкратыч. – Он ведь и клизмы воздушные себе ставил.

– Нет, правда?! – не поверил я. – А я думал, они в шутку говорили, что можно плавать этим повисить.

– Какие уж там шутки. У рыбы, знаешь, плавательный пузырь? Человеку тоже не помещает.

– Да уж, – сказал Клюквин, – до чего только наш брат спортсмен не додумается!

Я вспомнил начало разговора и спросил:

– А зачем тебе немецкий, Панкратыч?

– Да мне статью интересную принесли из фээрговского журнала. Название уже перевели: «О влиянии раннего начала половой жизни на рост спортивных результатов».

Мы сидели на пляже у самой полосы прибоя. Я выискивал в крупном песке плоские камешки и швырял их в море. Был почти штиль, и камешки красиво прыгали по тихой воде. Машка лежала животом на полотенце и, расстегнув бюстгальтер, жарила спину. Панкратыч, расположившись вместе со мной на гостиничном покрывале, рассеянно листал малопонятный немецкий журнал. А Клюквин восседал на своем неизменном надувном матрасе. Матрас был совсем необязателен на гладком пляже, но Клюквин без него не мог. Ребята говорили, что он всюду с ним ездит, и даже рассказывали, что однажды на сборах Клюква спал в гостинице, постелив на пол свой матрас, так как кровать показалась ему неудобной.

Мы сидели на пляже и совершенно ничего не делали. В Москве, где ни на что не хватает времени, такое и в голову бы не пришло. Ничего не делать – со скуки умрешь. Но здесь, на Юге... Достаточно купаться, загорать, пить прохладительные напитки, есть персики, разговаривать. И нету скуки. Что значит скука? Вокруг царит только лень. Нормальная курортная всепоглощающая лень. Здесь вообще все по-другому. На первом месте – удовольствия, главная цель – красивый загар, единственно мыслимое настроение – хорошее, но не восторженно-хорошее, каким оно бывает после побед, а спокойно-, размеренно-, лениво-хорошее, умиротворенное. Здесь слово «хочу» поднимается, как волна, и сладострастно накатывает на берег, и разбивается о песок, удовлетворенно шипя, чтобы снова подняться и снова показаться к берегу. А слово «надо» тает в сиреновой дымке у горизонта и исчезает за окончательностью мыса в том месте, где земля уходит в море, а море упирается в небесный купол, и это всегда такое назойливое слово «надо» уже не разглядишь ни в один бинокль до самого дня отъезда.

– Хорошо отдыхать! – сказал я и посмотрел в сторону прибрежных кустов туи.

Там стоял теннисный стол, и на нем уже с полчаса играли двое: парень и девчонка. На глаз я дал бы им уровень кандидатов в мастера. Девчонка владела блестящим топ-спином

слева, а парень отлично справлялся с ее ударами, подкручивая шарик в сторону вращения и отправлял его обратно с той же скоростью.

– Красиво играет, – сказал Панкратыч.

Оказывается, он тоже смотрел на теннисистов.

– Парень? – спросил я. – Да, не слабо.

Клюквин проследил взглядом траекторию шарика, неверно отбитого девчонкой, и фыркнул:

– Подумаешь, я тоже так могу.

– Да ладно врать-то, – равнодушно откликнулась Машка. – Я помню, как ты подкручивал: один раз по шарiku, три – мимо. Со стороны все простым кажется.

– Кстати, – сказал Панкратыч, – по поводу того, что со стороны все просто. Вы не слышали, как доктор Вайнек пытался поставить на научную основу принцип «новичкам везет»?

Конечно, никто из нас ничего об этом не слышал.

– Так вот, – оживился Панкратыч. – Поговорку все знают, но мало кто задумывается, почему новичкам везет. Ответ меж тем очевиден. Новички в любом деле не знают секретов мастерства, но они не знают и подводных камней, которые им грозят. А раз не знают, так и не боятся. А раз не боятся, значит более раскованы, более свободны в действиях.

Вот элементарный пример психологического эффекта незнания. Человеку предлагают пройти над пропастью по мостику шириной в пять досок по двадцать сантиметров каждая и просят наступать только на среднюю доску. Согласитесь, нет ничего проще. А потом проход просят повторить, но перед этим показывают, что все доски, кроме средней подпилены и на них действительно нельзя наступать. Новая задача оказывается под силу разве что профессиональному верхолазу, альпинисту или циркачу, словом человеку, привыкшему не бояться высоты. Таким образом, шансы профессионала и новичка уравниваются. А иногда новичкам удается и то, что не выходит у мастеров.

– Так ведь это действительно только иногда, – заметил я.

– Правильно. Но Вайнек был лихой человек. Он нередко делал ставку именно на счастливую случайность.

Я бросил в море последний камешек и лег на покрывало животом кверху, заложив руки за голову.

– Все началось со старой доброй гипнопедии, – сказал Панкратыч. – Если можно во сне обучать всяким языками наукам, стало быть можно обучить и практическим навыкам, в частности, спортивным. Идея принадлежала не Вайнеку, а физиологу Смиту. Но Смит совершенно не представлял, как записывать эти навыки. Переписывание с мозга на мозг давало такое искажение, что вся затея теряла смысл. Тогда Смит укрепил нейродатчики непосредственно на руках, на ногах, на теле, чтобы исключить стадию передачи импульсов с периферической нервной системы в центральную и обратно. Метод оказался удачным. Если не считать двух минусов. Во-первых, обучающий и обучаемый были соединены проводами, а спортсменам это неудобно. Но Смит о спортсменах и не думал, потому что, и это уже во-вторых, без искажения передавался очень небольшой объем «двигательной информации» – так он ее называл. Обучение до системе Смита годилось разве что для рабочих, и то на несложном оборудовании.

– Панкратыч, – жалобно попросила Машка, – а можно эту часть покороче?

– Можно. Но сейчас будет самое интересное, появится Вайнек. Он пришел тогда к Смиту и прежде всего предложил передавать информацию не по проводам, а по радио, и не прямой трансляцией, а в записи. Смит сказал, что мысль правильная, но со спортсменами все равно ничего не выйдет. Нельзя передать другому человеку стиль Борзова или Армина Хари – можно просто научить его бегать, а бегать он и так умеет. Тогда Вайнек сказал, что на

спринтерах свет клином не сошелся и что он имеет в виду более сложные виды, например прыжки с шестом. При упоминании прыжков с шестом Смит даже испугался: «Да вы что! Люди учатся не меньше года, прежде чем начать прыгать, а ваш новоиспеченный шестовик, может быть и выйдет наверх, но потом непременно брякнется мимо ямы.» «Не брякнется, – сказал Вайнек. – Новичкам везет. Хотите пари?»

Смит не хотел. Зато согласился на пари крупный швейцарский делец от спорта Эрих Циммер. Циммер случайно оказался на лекции Вайнека, в конце которой тот поведал, что так называемая «тренировка экстерном» – не фантастика, а реальность, и при наличии соответствующей общефизической подготовки можно очень быстро добиться мастерских результатов в любом виде. Идея у Вайнека, прямо скажем, была еще сырая, просто его уже занесло. Циммер почувствовал это и заявил Вайнеку, что все сказанное – просто чушь. Вайнек обиделся. Слово за слово, они заключили пари: Циммер дает Вайнеку хорошо тренированного спортсмена, ни разу в жизни не державшего в руках шест, и Вайнек за неделю выводит его на результат, превышающий рекорд мира. Ударили по рукам. Вайнек в то время был богат, и спорщики остановились на сумме в миллион швейцарских франков.

Циммер предложил Вайнеку исключительно благодарного ученика – Паоло Дженетти – не выдающегося, но способного баскетболиста из итальянского профессионального клуба. Дженетти был авантюрист. Любитель бегать из клуба в клуб и из страны в страну. Никакое новое дело не могло его испугать, а возможность крупного заработка даже в далекой перспективе зажигала и окрыляла. Циммер, конечно, сулил ему золотые горы, а Вайнек просто увлек смелостью эксперимента. О том же, что заключен спор, Дженетти, разумеется, ничего не знал.

Начались тренировки. Утром Дженетти получал дозу двигательной информации, весь день отрабатывал элементы прыжка и вечером отдыхал. И ни разу Вайнек не разрешил ему выполнить весь прыжок целиком. В этом случае Дженетти сразу бы почувствовал, как много трудностей и опасностей ждет его. А от него требовалась бездумная уверенность новичка. Когда Вайнек устанавливал планку, он поднимал ее на высоту пяти метров и говорил, что это шесть, хотя обычно тренеры делают наоборот: называют высоту, меньшую, чем поставили, чтобы исключить психологическое давление цифры. На Дженетта цифра не давила. Ему было сказано, что шесть метров для него – тьфу, а других высот он никогда и не видел.

На соревнования Паоло был заявлен обычным порядком, ни Вайнек считал, что самоуверенному новичку вредно в течение четырех часов наблюдать удачи и промахи шестовиков-профессионалов. И баскетболист Дженетти появился на стадионе к шапочному разбору. Высота была уже 5.40, в секторе оставались всего три участника, и через каких-нибудь полчаса Паоло смог бы заказать свои шесть метров. Но внезапно пошел дождь. Один из прыгунов сбил планку и обратился к судье. Объявили перерыв, а через десять минут сообщили, что соревнования переносятся на следующий день. Дженетти обиделся: он был так настроен! Но Вайнек повторил: в дождь прыгать нельзя. «Почему? – спросил Дженетти. – На ногах шипы, на ладонях клей – что мне дождь?» Вайнек не стал объяснять. Объяснять было нельзя. Трудности – запрещенная тема. И он просто промолчал. Тогда Дженетти заявил, что завтра ничего не выйдет. И уже Вайнек спросил, почему, но тут же понял сам.

Вот это была проблемочка! С одной стороны дождь – скользкий шест, зрительные помехи, мокрая одежда, мокрые ноги (шестовикам мешает все!) и, значит, колоссальный риск и исчезающе малая вероятность успеха. А с другой стороны – безвозвратная потеря того уникального настроя, который они вдвоем создавали целую неделю. И, значит, вероятность тоже почти нулевая.

Шутники говорят, что капли дождя испарялись, не долетая до головы Вайнека – так нагрелась она от раздумий, а Дженетти яростно вращал над головой шестом, так что чувствовал себя как под крышей. Стало быть, говорили шутники, для них обоих дождя не было,

и они решили прыгать. На самом деле трудно сказать, что руководило Вайнеком, но в каком-то гениальном озарении он выбрал единственно верный вариант: махнул рукой и пошел вон из сектора. И тогда Дженетти, мокрый и злой, попросил ребят из судейской бригады установить шесть метров. Ребята переглянулись (мол, что возьмешь с идиота), но хохмы ради шесть метров поставили.

И Дженетти прыгнул.

К этому времени мало кто остался на стадионе, но те, кто видел прыжок, говорят, что он был красив. Правда Паоло задел планку, и она долго мелко дрожала. Злые языки уверяли потом, что не упала она только благодаря дождю. Прилипла, дескать, а сухая – сорвалась бы. По-моему, это полная чушь. Да и в том ли дело? Ведь Дженетти преодолел шесть метров, даже, как показал повторный замер, шесть метров и два сантиметра. Вайнек бросился поздравлять его, а Дженетти тут же потребовал следующую высоту. Почему-то он требовал 6.15. Эту высоту, конечно, не поставили: шутки шутками, но ведь нельзя же испытывать судьбу два раза кряду. А надо заметить, что все, кто хоть чуть-чуть разбирался в «шесте», уже порядочно натерпелись страху. Дождище, говорят, пошел проливной, но собралась толпа, и никто не желал расходиться. А в центре толпы стоял баскетболист Паоло Дженетти и кричал: «Я рекордсмен мира! Я первый шестовик планеты»!

Разумеется, он не был рекордсменом мира. Рекорд, установленный при таких обстоятельствах, никак не мог быть зарегистрирован.

– А теперь пошли купаться, – внезапно оборвал Панкратыч.

– Пошли, – согласился Клюквин, – только я сначала попрыгаю.

– Вот фанатик, – сказал Панкратыч. – Он, должно быть, и из гроба прыгнет в могилу тройным прыжком.

– Да здравствуют спортсмены, побеждающие смерть! – провозгласил я.

– Вот и лечи вас после этого, ворчливо сказал Панкратыч. – Психи. Клюквин вышел на мокрый песок у самой воды и поскакал вдоль берега на правой ноге, высоко подбирая ее при каждом толчке, да так быстро, что не прошло и пол-минуты, а он уже затерялся вдали, среди пляжной публики. Признаться, зрелище прыгающего на одной ноге Клюквы всегда оказывало на меня какое-то гипнотическое действие. Трудно было поверить, что такие длинные, высокие и точные прыжки вообще возможны, и начинало казаться, что Клюква и не человек вовсе, а некий диковинный механизм.

Море было теплым. Мы с Машкой качались на волнах недалеко от берега, лежа на спинах и лишь слегка пошевеливая конечностями. Панкратыч, одевший маску и ласты, исчез из поля зрения. Те моменты, когда его застекленная рожа появлялась из воды, мы, как правило, прозевывали. Прискакал на левой ноге Клюква, с шумом ворвался в море, отфыркиваясь и брызгаясь, долго нырял и хулиганил. Потом все вернулись к лежбищу, подставили тела Солнцу и разомлели.

– Ну, так и что же? – спросил я, рассматривая наловленных Панкратычем рапанов. – Вайнек получил свой миллион?

– Да, – сказал Панкратыч. – Циммер расплатился сразу же. Говорят, вырвал листок из подмошкой чековой книжки и подписал его прямо на лавочке в раздевалке. Но Вайнек не очень-то радовался победе и уж, конечно, не думал создавать «школу новичков спорта», как советовал ему Циммер. Вайнек вообще не собирался продолжать эксперимент. Чего нельзя было сказать о Дженетти. Этот окончательно уверовал в свою гениальность и вознамерился выиграть все крупные турниры сезона. Пришлось объяснять ему, что выигрыш был более чем случайный, что не только о выступлениях, но даже о тренировках не может быть и речи, что каждая попытка будет смертельно опасной, что, если ему очень хочется, можно, конечно, заняться «шестом» всерьез, но он, Вайнек считает, что лучше просто вернуться в баскетбол подобру-поздорову. Но не тут-то было. Дженетти оказался не только профессиональным

спортсменом, но и профессиональным авантюристом – опасностями, даже смертельными, запугать его было нельзя. «Я буду прыгать», – так он заявил. Вайнек предложил сто тысяч в обмен на подписку о полном и окончательном отказе от прыжков с шестом. Дженетти фыркнул: «Подумаешь, сто тысяч! Да я на одной рекламе в пять раз больше сделаю». Так, слово за слово, Дженетти выклянчил у Вайнека миллион за свое письменное обещание. А Вайнек сумел сделать лишь один спасительный ход:

– Швейцарских франков, – сказал он, боясь, что Дженетти имеет ввиду доллары.

– Идет, – сразу согласился Дженетти.

Они ударили по рукам, а уже потом Вайнек часто задумывался, почему Паоло так легко согласился. Может быть, он имел ввиду миллион лир?

– Так, все-таки, кто кого надул? – поинтересовался Клюква.

– А никто никого не надул, – непонятно сказал Панкратыч. – Все вышло совсем по-другому. И легко догадаться, как.

– Он нарушил свое обещание, – предположила Машка.

– Именно, – подтвердил Панкратыч. – Дело было так. Вайнек получил конверт со штампом города Майами, а в конверте обнаружил циммеровский чек и краткое послание на чистом бланке эпикриза: «Простите меня, Вайнек, я – спортсмен. Передавайте привет Циммеру. Ваш Паоло, баскетболист и шестовик». Вайнек вылетел в Майами ближайшим рейсом и нашел Дженетти в хирургическом отделении центральной клиники. Горе-шестовик лежал там с переломом позвоночника. Диалог, который состоялся между ним и Вайнеком, попал в газеты, и я помню его наизусть:

– Привет, Паоло. Вы что, пробовали играть в баскетбол с шестом?

– Бросьте, Вайнек, вы же понимаете, что рано или поздно я бы все равно прыгнул. Искушение было слишком велико для спортсмена.

– Вы не спортсмен, Дженетти. Вы – аферист. Вы – сумасшедший! Другие наживаются на убийствах. А вы решили делать деньги на самоубийстве? Вы – наемный самоубийца. Вот вы кто.

– Да. Но поймите, Вайнек, все спортсмены – это наемные самоубийцы. Дженетти не умер. Просто остался на всю жизнь инвалидом. Разумеется, сделался знаменит и даже сумел погреть руки на этом. А кроме того, Вайнек отдал ему назад пресловутый циммеровский миллион. Вот такая веселенькая история. А ведь неплохо он сказал – наемные самоубийцы?

Я согласился с Панкратычем. Сказано было здорово. Но не совсем точно. Ведь не только ради звонкой монеты спортсмены теряют здоровье и рискуют жизнью. Тот же Дженетти, хоть и искал всегда кусок пожирнее, а свой последний трюк сделал не за деньги, а теряя деньги. Наверно, это был просто азарт. Азарт спортсмена и азарт новичка, которому непременно должно повезти.

– Внимание, медуза! – раздался голос Клюквина.

Было у нас такое развлечение – расстреливать камнями медуз. Мы их ненавидели. В медузах было все, с чем мы не привыкли мириться: успокоенность и равнодушие, инертность и мягкотелость, показная красивость и подлая манера нападать исподтишка. Я, Машка и Панкратыч любили соревноваться в точности попадания, а Клюквин был у нас всегда только судьей и зрителем, потому что, как он сказал, у него с детства с этим делом неважно, и позориться он не хочет.

Я поднял руку и первым бросил свой окатыш. Рядом с медузой взметнулся фонтанчик. Не так-то просто было попасть. Мало хорошей координации и стопроцентного зрения – как и во всяком деле, здесь требовалось мастерство. Панкратыч прицелился и промазал. Метнула свой камешек Машка. Потом мы попытались счастья еще и еще раз. Вокруг медузы бушевал настоящий шторм. И тогда Клюквин взял самый большой камень, какой сумел найти, и с

силой швырнул его в цель. Медуза всхлипнула, и ее студенистые клочья брызнули во все стороны.

– Браво! – похвалила Машка.

– Ас, – с ироничным уважением произнес я.

– Ты чего, – спросил Панкратыч, – тренировался что ли втихаря по ночам?

– И не думал даже, – сказал Клюква. – Просто новичкам везет.

Смертельный случай

Ничего не знаю прекраснее весеннего леса. Бежишь по еще влажной от недавно сошедшего снега земле, воздух – дурманивший, вкусный, полный запахов цветения и свежести; первая зелень вокруг до того яркая, словно ее кто выкрасил флюоресцентной краской, а под ногами мягко, как поролон, пружинит ковер из прошлогодней листвы, и примятая молодая травка распрямляется позади тебя.

Рядом пыхтит Клюквин, и не то, чтобы он устал больше других (разве можно вообще устать, когда бежишь по майской березовой роще и с наслаждением вдыхаешь лесные ароматы?), а просто такая уж у него привычка, такая манера дышать. Машка бежит впереди всех длинными мягкими скачками и с таким изяществом, какое трудно ожидать от крупной фигуры толкательницы ядра. Кроссовки у нее как всегда новехонькие, в яркости соперничающие с молодой зеленью и притом потрясающего дизайна, до которого только и могла додуматься какая-то экзотическая фирма на Тайване, откуда эти супертапки через три таможни приволок Машке ее Славик. Панкратыч же где-то сбоку петляет по кустам, словно заяц. Потом мы выбегаем на просеку и оказываемся все рядом.

– На Кавказе уже купальный сезон открылся, – мечтательно произносит Машка.

В прошлом году она была на сборах в Леселидзе. Это теперь мы все встретились в Подмоскowie.

– Подумаешь, – фыркает Клюквин, – на Кавказе. Для меня, например, купальный сезон начинается, как снег сойдет.

– Это не то, – возражает Машка. – Прыгнуть с разбега в ледяную водицу и сразу обратно – так я тоже могу. А в море, там хорошо распластаться на поверхности и балдеть.

– Балдеть можно и в проруби, – сурово замечает Панкратыч.

– А, кстати, Панкратыч, вот ты как врач, – ловит его на слове Машка, – как ты относишься к моржизму?

– А как к нему можно относиться? Разумеется отрицательно. Моржизм – один из видов рекордизма, а все, что годится для книги рекордов Гиннеса, для здоровья уже не подходит. А мы ведь с вами, ребятки, за здоровье? – с улыбкой спрашивает Панкратыч.

– Конечно, за «здоровье!» – поддерживаю я. В такой прекрасный день!

Но упрямый спорщик Клюквин не унимается:

– Ну, знаешь, по-моему, от моржевания никто еще не умирал.

– Еще как умирали, – Панкратыч невозмутим. – Дураков-то хватает: лезут в прорубь кто сдуру, кто спьяну. А те, кто по системе готовился, постепенно – они и умирают не сразу, медленно.

– Да, ладно, – не верит Клюква, – это тебе небось твой доктор Вайнек наплел.

– При чем тут доктор Вайнек? Это в газетах пишут.

Машка же при упоминании Вайнека сразу оживляется:

– Слушай, Панкратыч, ты нам все рассказывал, скольких спортсменов Вайнек своими экспериментами перекалечил, а потом отравился, потому что совесть замучила, верно? А вот скажи, не было ли в его практике смертельного случая?

– Был, – отвечает Панкратыч коротко и сплевывает на дорогу с таким видом, словно больше и не намерен ничего говорить, но мы ждем.

– Был такой случай. Правда, Вайнек не любил о нем вспоминать, только иногда, под этим делом, – Панкратыч щелкает себя по горлу, – начинал, говорят, бормотать о загубленной им душе и нечистой совести. Но, по большому счету, ведь не Вайнек же, конечно, убил Золтана Дмитрияну.

– Кого? – вздрагиваю я. – Дмитрияну? Того самого «неуязвимого» рапириста? Первый клинок Европы?

Разумеется, я, фехтовальщик, не мог не знать Золтана Дмитрияну. Этот уникальный спортсмен выступал всего лишь сезон, но за это время не проиграл ни одного боя. А потом внезапно трагически погиб. «Советский спорт» сообщил об этом как-то невнятно.

– Да, Толик, – говорит Панкратыч, – я знал, что ты помнишь Золтана. Он был яркой звездой. А готовил его именно Вайнек.

– Готовил, готовил, – подает голос Клюквин, – а потом взял и проткнул рапирой по пьяной лавочке.

– Да иди ты! – сердится Панкратыч. – Хочешь слушать – слушай.

– Ну, ладно, ладно. Молчу.

– Так вот, ребятки, Золтан Дмитрияну, собственно говоря, не был рапиристом. Профессиональным фехтовальщиком, я имею ввиду. Нет, конечно, тренеры его кое-чему учили, но все это задолго до его триумфального шествия по Европе, чуть ли не в детстве. А вообще он занимался многими видами. Довольно долго – спринтом. И больше всего – футболом. На футболе-то его Вайнек и заметил.

– погоди, – интересуется Машка, – а в какой стране все это было?

– Во Франции. Толик не даст соврать, Золтан и выступал за французов, но сам был то ли румын венгерского происхождения, то ли венгр родом из Румынии. Суть не в том. Футболистом он был весьма средним. Но владел одним коронным приемом, за который, наверно, и держали его в командах. Он умел грудью останавливать мяч, посланный сколь угодно сильно и с какого угодно расстояния. Тренеры всегда ставили его в стенку, и, если мяч попадал в Золтана, о добивании уже не могло быть и речи, команда перехватывала инициативу с абсолютной неожиданностью для соперников. Как это удавалось Золтану, он и сам не знал. Когда журналисты допытывались, только пожимал плечами, мол, как все, так и я: грудь резко назад – и мяч под ногами. Но Вайнек сразу понял, что Дмитрияну не такой, как все.

Доктор Вайнек как раз тогда разделался с анизотропным бегом (помните, я вам рассказывал про Овчарникова) и продолжил изучение возможностей человеческого тела. Теперь наряду с гибкостью и быстротой движений его интересовала еще и быстрота реакции. Он раскопал какой-то очередной невероятный препарат, сокращающий время передачи нервного импульса чуть ли не в десять раз. И все ждал, на ком бы его испытать.

Дмитрияну ему сразу глянулся. Он подошел тогда к спортсмену в раздевалке, предъявил свои профессорские документы и начал без предисловий:

– Вы занимаетесь не своим видом спорта, Золтан.

– Вот как? – удивился Дмитрияну.

– Да. Ваш вид спорта – фехтование. Только в нем вы достигнете настоящих высот.

– А я уже занимался шпагой, – возразил спортсмен.

– Вот и прекрасно, – не смутился Вайнек, – тем лучше. Только теперь вы будете заниматься рапирой. И, ей богу, я сделаю из вас олимпийского чемпиона.

Конечно, Золтан принял Вайнека за сумасшедшего, но, как он потом признавался, сумасшедшие импонировали ему с детства. Должно быть, поэтому он сразу согласился пойти с профессором в ближайшее кафе и там обсудить все детали.

Узнав, что Дмитрияну занимался еще и спринтом, причем выигрывал исключительно за счет сверхбыстрого, как у Армина Хари, старта, Вайнек пришел в совершеннейший восторг и изложил вконец растерявшему спортсмену свою умопомрачительную программу.

Суть сводилась к следующему. С помощью своего нового препарата Вайнек повышает реакцию Золтана аж на порядок. А вкалывая старый проверенный стимулятор анизоген, усиливает и без того аномально развитую у Дмитрияну способность к быстрому сокращению

мышц. В результате обоих воздействий Золтан (по расчетам) сможет увильнуть от любого самого резкого выпада.

– Здорово! – не могу я сдерживать своего восторга и, как шпажист, обиженно: – А почему Вайнек выбрал именно рапиру?

– Странно, Толик, что ты задаешь мне этот вопрос. Все предельно просто: шпажисту засчитывают укол в любую точку тела, а в «рапире» зона поражения

– только грудь. Золтан все-таки из футбола пришел, с грудью ему попроще было, да и вообще – попробуй натренируй сразу все конечности, он же не осьминог...

– Почему осьминог? – спрашивает Машка, но Панкратыч не успевает ответить, потому что Клюквин, заслушавшись, попадает с налета в глубокую лужу и начинает кричать по этому поводу громко и нецензурно, а Панкратыч замечает спокойно:

– Прыгун Клюква допрыгался.

Потом мы решаем снова бежать лесом, так как на просеке магическая сила длинной прямой дистанции заставляет нас произвольно ускоряться, и все мы четверо уже тяжело дышим.

– Куда вы так несетесь, уроды? – возмущается Машка и первая сворачивает к лесной опушке.

Мы растягиваемся в цепочку и вскоре выбегаем на поляну. Машка, покрасневшая, на ходу скидывает олимпийку и вопреки всем правилам сразу бухается на большое поваленное дерево.

– Не спи – замерзнешь! – кричит промочивший ноги Клюквин.

Он поднимает несчастную Машку, поворачивает ее и взваливает себе на спину.

– Ах, так! – пищит Машка, резко наклоняется и подбрасывает Клюквина. Так они и качаются, сцепившись руками и прижавшись друг к другу спинами: туда – сюда, туда – сюда. Хорошее упражнение.

– Пара молодых идиотов, – говорит Панкратыч, неспешно разминая плечевой пояс.

Я становлюсь напротив, повторяю его движения, как на уроке физкультуры, и спрашиваю:

– Так что дальше было с нашим Золтаном?

– Золтан освоил фехтование на рапирах за три месяца. С успехом прошел отборочные и заявился на чемпионат Франции. Дальнейшее общеизвестно. Уже в ранге чемпиона Франции он выиграл все европейские турниры, на которые смог поспеть. И проходил их не просто без поражений, а без единого пропущенного укола. Впрочем, нет, вру, четыре штуки было на его счету в том сезоне. Первый – в самом начале – из-за неточно рассчитанной Вайнеком дозы препарата. Второй – наоборот – в самом конце сезона, когда Золтан уже зазнался, распоясавшись и буквально за день до выступления на открытом чемпионате Италии прилично набрался в какой-то компании то ли «Чинзано», то ли «Клико» – не помню.

– Но это очень разные вещи, – с видом знатока замечает Клюквин.

– Да и плевать. А остальные два укола нанес Дмитрию неистовый барселонец Себастьян Каррадо, знаменитый мастер отвлекающих маневров. Два раза подряд попадался Золтан в его Ловушку, едва не подарив миру новую сенсацию, но вовремя сообразил, что главное – сконцентрировать внимание на кончике клинка и Тогда уже сам черт ему не брат. Отвлекающие трюки перестали срабатывать, барселонец был сломлен.

– Про барселонца все понятно, – говорит Машка, – а как же допинг-контроль? Его что, не проверяли, этого неуязвимого?

– Еще как проверяли! Но дело-то в чем. Анизоген – так уж повелось – допингом не считали и не считают, потому что он не на всех действует и широко применяться не может, а в новом этом препарате тоже, представьте себе, не увидели зла. Поначалу. Позднее запретили, конечно, когда побочное действие обнаружили. А тогда многие начали колотиться этой

штукой по примеру Золтана. Некоторым помогало. В поединках между собой. А у Дмитрияну все равно никто выиграть не мог. Ему просто приходилось дольше возиться с ними, а сам-то он уколов по-прежнему не пропускал. Не пропускал и все. Такие дела. Ну, и поскольку из химии никаких секретов не делалось, то и уникальные свои способности Дмитрияну решил не скрывать. Нет, не то, чтобы он давал интервью журналистам по этому поводу. Газеты печатали только домыслы, один другого невероятней. Но вот специалистам Золтан растрепался, и Вайнек его за это здорово ругал. «Отсюда все и началось», – уверял после профессор.

Как-то раз Дмитрияну признался Вайнеку, что сам увеличил дозу выше разрешенного уровня, но это уже как будто ничего не дало. Вайнек удивился:

– А чего ты, собственно, хотел?

И тут Дмитрияну перешел на заговорщицкий шепот, хотя в номере отеля, кроме них двоих, никого не было:

– Вот, взгляните. Я тут прикинул на бумажке скорость клинка. А вот это

– мой запас по скорости. Получается, что для меня останавливать рапиру – это из пушки по воробьям.

– Что же ты хочешь останавливать? – Вайнек почуял недоброе и спросил так же шепотом.

– Пулю, – сказал Дмитрияну.

– Пуля-то его и погубила, – произносит Клюквин зловеще.

– Ну, ты, ягода заполярная! – срываюсь теперь уже я, потому что история Золтана по-настоящему меня захватила. – Проживем без твоих гипотез.

А Панкратыч продолжает невозмутимо:

– Дмитрияну уверял, что идея останавливать пулю пришла в его собственную голову. Вайнек не верил, Вайнек кричал, что это все проклятые специалисты замутили Золтану мозги, что он предупреждал: не связываться ни с кем! И еще он кричал, что не позволит ставить такой эксперимент, что если Золтан решится, то он, Вайнек, сам бросится под пулю.

Но Золтан решился, а Вайнека рядом не оказалось. Не мог же он, как нянька ходить за спортсменом повсюду.

Разумеется, Дмитрияну одел бронежилет. Жить-то, сами понимаете, всем хочется. Разумеется, испытания проводили в закрытом тире в присутствии очень узкого круга специалистов. Разумеется, деньги Золтану выплатили вперед – так, чтобы в случае чего родственникам достались. А на бронежилете расчертили квадратики. Под каждый завели датчики. Стреляли снайперы. И все прошло на ура. Ну, очкарики эти – учит же их кто-то на нашу голову! – обсчитали результаты, посоветовались, да и сказали Золтану, что он запросто может ловить пулю без всякого бронежилета. И вот тут, надо сказать, даже отчаянный спортсмен Дмитрияну струхнул. «Нет, сказал, господа, я в такие игры не играю». Однако фраза была брошена. Как говорится, джинн выпущен из бутылки. Не прошло и недели, как Золтан, потренировавшись с друзьями-фехтовальщиками увиливания голый грудью от заточенного клинка, вторично решился и пришел к тем самым психам из «научного тира».

Панкратыч делает паузу, как хороший актер, и спрашивает:

– Думаете, на этом и закончилась карьера Золтана Дмитрияну? Ничего подобного. Он еще три недели выступал в Париже с аттракционом «Человек, останавливающий пулю». И зарабатывал баснословные деньги. Широкая общественность считала, разумеется, что это просто блестяще сработанный фокус. Никому не пришло в голову заняться феноменом всерьез. Потому что мы не привыкли верить в чудеса. Потому что нам, рационалистам и прагматикам, всегда проще объяснить любое чудо уже известными науке причинами. Пресса кричала, что Золтан просто спекулирует своей спортивной славой. Впрочем, эффективность фокуса газетчики не отрицали. А уж какой там фокус, когда зрителям разрешалось приходиться со своим оружием. Проверялись только пули, чтобы какая-нибудь сволочь не подсунула

разрывную. И кусочки свинца, а иногда серебра, упавшие к ногам Золтана возвращались владельцам, так что каждый при желании мог убедиться, что это именно его, та самая пуля. К тому же, когда Дмитрияну уставал, на груди его начинали появляться синяки, и тогда сеанс заканчивался. Какие уж тут фокусы, посудите сами, ребятки.

Ну, а Вайнек к тому моменту, как всегда, уже умыл руки. Уговаривать Золтана было поздно. Профессор просто публично отрекся от всех дальнейших экспериментов в этой области.

Через три недели невероятный аттракцион перекупили заокеанские воротилы. И все, что случилось там, известно гораздо хуже. Доходили слухи, что Золтан начал скандалить, торговаться из-за количества выступлений, будто бы даже грозился выйти из игры насовсем – это, впрочем, маловероятно. С другой стороны рассказывали, что однажды кто-то – случайно или нарочно – промахнулся, и Дмитрияну остановил пулю лицом. И эта новая сенация якобы позволила ему еще раз оказаться на вершине славы и богатства. Но доподлинно известно лишь то, что в Штатах он прожил всего два месяца. Наиболее распространенная версия финала такова. Золтана нанял для какого-то чрезвычайно важного дела подпольный гангстерский синдикат или наоборот – ФБР для борьбы с этим синдикатом. Неважно, с любой стороны могли найтись идиоты, решившие, что Золтан абсолютно пуленепробиваем. В общем в жутчайшей перестрелке, истекая кровью, он, говорят, все-таки сделал то, что от него требовалось и чего, разумеется никто другой сделать бы не сумел. Рассказывают (хотите – верьте, хотите – нет), что он остановил то ли сорок две, то ли пятьдесят две пули. Но одна его все-таки достала.

– И что, хватило этой одной? – удивляется Машка.

– Да, – говорит Панкратыч. – Она оказалась со смещенным центром тяжести. Золтан не умел останавливать такие. И смерть наступила именно от нее. Это нетрудно было установить...

Панкратыч сидит на корточках и машинально щиплет пальцами заячью капусту. Потом встает и говорит:

– Побежали обратно. На базе, наверно, уже завтрак дают.

Начинается чудесный майский день. В лесу божественно хорошо. Молодая зелень ослепительна. И совсем не хочется в такое утро думать о том, как мы колемся, ломаемся, уродуемся, гробимся в нашей безумной спортивной жизни. Хочется напиться здоровьем, растворенным в природе, на всю жизнь напиться и потом каждый день дарить его людям.

Общее настроение первой высказывает Машка:

– Но ведь это же единичный случай, – говорит она, – это же исключение. Не все же под пули кидаются. У других все получается хорошо.

– Конечно, – соглашается Панкратыч. – Золтан Дмитрияну – исключение. Еще какое исключение!

– И вообще, – развивает свою мысль Машка, – он же погиб именно тогда, когда ушел из спорта. Так что действительно не Вайнек его убил и даже не спорт.

– В каком-то смысле, – вновь соглашается Панкратыч.

Но все мы знаем, и Машка – тоже, что это не так, что цирк – тот же спорт, да и борьба с гангстерами может быть спортом, если ее выполняет настоящий спортсмен. А Золтан Дмитрияну до самого конца оставался именно спортсменом. Мы знаем это, но хотим думать иначе и сами обманываем себя.

За березами перелеска уже виднеются корпуса базы. Мы дышим равномерно, почти синхронно друг с другом, и каждый пытается вспомнить о чем-нибудь хорошем, например, о холодном душе или о завтраке.

И вдруг Машка с чувством произносит:

– И все-таки жалко парня!

– Еще бы, – говорю я. – Еще бы тебе было его не жалко.

Секреты мастерства

– Салага! – сурово припечатал Клюквин юного прыгуна в высоту, который третий раз подряд не смог «попасть в разбег» и сбил планку, за что получал теперь выволочку от тренера.

– А ты в его годы прыгал на два метра? – поинтересовался я, на глазок прикинув установленную в секторе высоту.

– Мне-то зачем? Я и сейчас не прыгну. Если в длину – тогда пожалуйста. Или тройным. Два метра.

– Ну, и не выступай, раз такое дело! – я почему-то обиделся за парнишку-высотника.

– Да ладно вам, ребята, – встрял Панкратыч, – посмотрите лучше, какая девочка бежит. Барьеристочка.

– А тебе бы, Панкратыч, все девочек! – огрызнулся Клюквин. – Седина в бороду, бес в ребро? Да и тоща она, твоя девочка, – добавил он, приглядевшись. – Грудей нету совсем.

Но тут уж Клюква был не прав. Насчет грудей, впрочем, возразить я ничего не мог, но вообще девчурка мимо нас бегала ладненькая, длинноногая, и мордашка у нее была – прелесть: носик кнопочкой, ротик маленький, а глазищи огромные и ресницы издали видать. Просто Клюква был злой. Как и все мы. Потому что нашу сауну заняли, а другого номера выделить не желали. Разбираться мы послали Машку в наказание за то, что она позже всех закончила тренировку, и теперь сидели вдвоем на трибуне легкоатлетического манежа и ждали решения своей судьбы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.